

DOI: 10.47026/2712-9454-2022-3-3-25-37

УДК 331.5:316.356.2(470.41)
ББК 65.9(2)24:60.56

К.С. ИДИАТУЛЛИНА

**ЖЕНСКИЙ ТРУД В ПРОМЫШЛЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ АВТОНОМИЙ
СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1920-е – 1930-е ГОДЫ:
УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

***Ключевые слова:** женский труд, индустриализация, государственно-партийная политика, вовлечение женщин в промышленное производство, Среднее Поволжье, национальные республики, женотделы, женский вопрос.*

Вовлечение женщин в общественное производство в годы индустриализации стало стержнем решения женского вопроса в Советском Союзе. Рассмотрение данной проблемы на материалах трех автономных республик – Татарской, Чувашской и Марийской – позволило определить общие черты и особенности использования женского труда в промышленности национального региона, показать динамику процесса и проблемы. Основной методологией исследования стали институциональный и сравнительно-исторический подходы. Исследован процесс формирования институтов, обеспечивших вовлечение женщин в промышленное производство в регионе. Участие женщин в промышленном производстве, с одной стороны, свидетельствовало о достижении ими равноправного статуса в обществе. С другой стороны, женщины рассматривались государством как кадровый ресурс при расширении производства, а также как страховой ресурс на случай войны. Темпы роста женского труда в регионе были высокими: к 1937 г. удельный вес женщин в промышленности ТАССР составлял 49,9%, в МАССР – 43%, в ЧАССР – 31%. В целом по СССР к середине 1930-х гг. женщины составили 35,8% промышленных рабочих.

Столетие образования СССР актуализирует обращение исследователей к некоторым страницам уникального советского опыта. Социалистическая индустриализация и решение женского вопроса были несомненными достижениями советской власти в 20-е – 30-е гг. XX в. Изучение истории вовлечения женщин в общественное производство в годы социалистической индустриализации в региональном преломлении позволяет более полно представить развитие исторического процесса в регионах СССР. Эти знания – часть нашей исторической памяти, попытка понять мотивацию деятельности людей и власти, выявить особенности государственного управления процессом. Исследование в рамках автономных республик Среднего Поволжья позволяет показать как общие тенденции, так и региональные особенности процесса вовлечения женщин в общественное производство,

Вовлечение женщин в общественное производство стало стержнем решения женского вопроса в Советском Союзе. Индустриализация экономики создавала предпосылки для увеличения женской занятости. Вовлечение женщин в промышленное производство, с одной стороны, рассматривалось как условие социального, финансового и карьерного равноправия женщин в обществе. С другой стороны, женщины воспринимались государством как кадровый ресурс при расширении производства, а также как страховой ресурс на случай войны в качестве подготовленного квалифицированного кадрового резерва, способного заменить в заводских цехах воюющих мужчин.

В начале 20-х гг. XX в. в национальных автономиях Среднего Поволжья господствовало в общественном сознании и укладе жизни традиционное, патриархальное представление о роли женщины как матери, хранительницы очага, а ее основные функции были закреплены в общественном сознании как деторождение, содержание дома и обслуживание семьи. К концу 1930-х гг. произошли существенные изменения: началось присвоение женщиной новых социальных ролей: работницы в общественном производстве с самостоятельным заработком, студентки, руководителя, общественного, партийного, комсомольского деятеля и т.д., а также ломка гендерных стереотипов.

Цель данной статьи – выявить основные тенденции и особенности государственной политики вовлечения женщин в промышленное производство в национальных автономиях Среднего Поволжья в 1920-е – 1930-е гг. Рассмотрение проблемы на материалах трех автономных республик – Татарской, Чувашской и Марийской, на наш взгляд, позволит определить общие черты и региональные особенности национально-территориальных образований. Исходим из того, что у этих республик – общая историческая судьба – Казанская губерния, ставшая преимущественно территориальной основой национальных автономий. Позднее их развитие происходило в тесном взаимодействии.

В советской историографии 20-х – 30-х гг. XX в. обобщалась практика вовлечения женщин в общественное производство, включая региональный аспект, формирование политики ВКП (б) по решению женского вопроса в СССР [20, 23–25]. Более глубокое осмысление процесса решения женского вопроса, включая женский труд, происходило в 1960-е – 1980-е гг. Отметим работы Н.Д. Араловец, Н.Л. Бильшай, П.М. Чиркова [1, 2, 30] и др. В национальных автономиях Среднего Поволжья проблема изучалась в общем контексте исследований по индустриализации региона, а также как самостоятельная научная проблема, в том числе в рамках диссертационных исследований. Различные аспекты решения женского вопроса представлены в работах Н.П. Никитина [24], Т.А. Биктемировой, Р.И. Беляковой, К.С. Идиатуллиной [20] и др. Работы этого периода отличаются серьезной источниковой базой, аналитикой, безусловно, написаны в рамках соответствующей тому времени марксистско-ленинской методологии.

Значительная часть исследований по женскому вопросу в 90-е гг. XX в. И в текущем столетии в России проводилась в рамках гендерной теории, феминистской методологии. Отметим работы О. Ворониной, Т.А. Здравомысловой, А.А. Темкиной, и др. [5, 19]. В этих работах, как правило, вовлечение женщин в промышленный труд интерпретируется не столько как стремление «освободить» женщину, сколько как навязанная ей обязанность выполнять свой «долг перед государством» наравне с мужчиной [7]. Из зарубежных работ особо отметим монографию В.З. Голдман [6].

Анализ литературы в изучаемом регионе показал существенное сокращение исследовательского интереса к проблеме женского труда в годы индустриализации, однако отметим ряд публикаций, рассматривающих различные аспекты решения проблемы. Это статьи С.Б. Харитоновой [31–33], А.В. Морозова [23], посвященные вопросам женской безработицы, женского труда в 20-е–30-е гг. XX в. В современной интерпретации женского вопроса и индустриализации присутствует разнообразие мнений, много спекуляций, излишней политизации, что мотивирует на изучение проблемы. Исходим из того, что к каждой уже исследованной

проблеме следует периодически возвращаться, переосмысливать, сопоставлять оценки, уточнять выводы.

Данное исследование основано на объективном и сравнительно-системном анализе конкретно-исторических процессов в российском обществе отмеченного периода. В качестве основной методологии были избраны институциональный и сравнительно-исторический подходы к изучению женского труда в регионах. Это позволит показать формирование институтов, обеспечивших вовлечение женщин в общественное производство, а также показать в сравнительной ретроспективе этот процесс, выявляя общее и особенное в национальных автономиях Среднего Поволжья.

Анализ официальных документов союзного и республиканского уровня позволил определить партийно-государственную политику по отношению к женщинам в период индустриализации. Исследование архивных материалов, публикаций в СМИ показывает формирование государственной политики, ее результаты, успехи и проблемы. В настоящей работе были использованы партийные решения, законодательные и нормативные акты, регламентировавшие вопросы женского труда. Источниковой базой для данной статьи стали архивные документы как центральных, так и региональных архивов (Государственный архив Российской Федерации, государственные архивы Республики Марий Эл, Республики Татарстан и Чувашской Республики), а также опубликованные сборники документов. Кроме этого, привлекались публикации в местных газетах и журналах.

Поскольку тема женского труда весьма обширна и в рамках одной статьи невозможно рассмотреть все ее аспекты, мы выберем несколько точек, характеризующих этот процесс. Это количественные показатели роста общей численности женских кадров, структура численности по отраслям, национальности, квалификации и качественные проявления политики вовлечения женщин в общественное производство автономий. Определены установки правящей партии, государственных структур к женскому труду и результаты проведенной работы.

Индустриализация в СССР рассматривалась как материально-техническая база для строительства нового социалистического общества, нового экономического уклада. Автономии Среднего Поволжья – Марийская автономная область (МАО), Татарская АССР (ТАССР) и Чувашская АССР (ЧАССР) – в середине 20-х гг. XX в. представляли собой преимущественно аграрные территории. В 1927–1928 гг. ТАССР произвела промышленной продукции на душу населения в 2,5 раза, МАО и ЧАССР – в 5-6 раз меньше, чем по СССР в целом. Относительно развитой из них в промышленном плане была ТАССР.

После Октябрьской революции ВКП(б) создала специальный аппарат для решения женского вопроса. Это отделы по работе с женщинами в ЦК, обкомах и райкомах партии – женотделы. Решение женского вопроса требовало системного подхода, и женотделы стали важнейшей частью механизма решения женского вопроса в СССР. После расформирования женотделов в 1930 г. этой работой занимались инструкторы партийных комитетов, Комиссии по улучшению труда и быта женщин при советах, Наркомтруд, профсоюзы. Вовлечение женщин в промышленное производство рассматривалось в контексте решения фундаментальной политической и социально-экономической задачи – создание широкой пролетарской социальной базы и формирование у женщин пролетарского сознания, а также непосредственно утилитарной задачи – расширение кадрового ресурса индустриализации.

Трудоустройство для женщины означало ее экономическую свободу. Наличие собственного заработка изменяло социальное положение женщины, из иждивенки она становилась добытчиком и могла внести свой вклад в бюджет семьи, а то и обеспечить себя и свою семью. Для вдов, разведенных женщин это было возможностью прокормить семью.

В Казанской губернии еще с дореволюционного времени был опыт фабрично-заводского женского труда. В годы первой мировой войны увеличилась доля женского труда в промышленности в результате некоторого замещения мужской рабочей силы. После войн (мировой и гражданской) многочисленные вдовы вынуждены были в одиночку содержать свои семьи, поэтому искали работу. В 1920-е гг. уровень развития промышленности не позволял существенно нарастить численность женщин-работниц. К тому же не было и объективной потребности промышленности региона в женской, в основном низко квалифицированной, рабочей силе. Руководителям предприятий в условиях НЭПа не хотелось нести затраты на детские ясли и сады, декретные отпуска и т.п. Экономический кризис обострял проблему. Однако даже в условиях безработицы 1920-х гг. женотделы райкомов и обкомов ВКП(б) пытались трудоустроить женщин. Были введены разрядки на трудоустройство женщин. Поскольку квоты были и на национальные кадры, то нередко отделы кадров предприятий одновременно решали обе задачи: например, принимали на работу женщину-татарку, и две квоты закрывались. В условиях безработицы второй половины 1920-х гг. установление квоты на женский труд в первую очередь решало политико-социальные задачи. Среди женщин проводилась разъяснительная работа о постановке на учет на биржу труда. Этот процесс показан в работах А.В. Морозова [23], С.Б. Харитоновой [32].

Индустриализация началась в регионе с преимущественно традиционным сельскохозяйственным укладом жизни, где были сильны национальные и религиозные традиции коренных народов. Заведующая женотделом Марийского обкома партии Хлытина говорила: «Масса, среди которой приходится работать женотделу, крестьянская, есть очень незначительное количество работниц на заводах и предприятиях, в кантонных центрах – членов профсоюзов, домашней прислуги и батрачек» [9. Л. 8]. В 1920-е гг. определилось несколько целевых групп, с которыми работали женотделы партийных органов, структуры Наркомата труда и профсоюзы: женщины-кустари, работницы промышленных предприятий, безработные, служащие, при этом во всех категориях всегда уделялось внимание женщинам коренной национальности.

Одной из основных возможностей заработка в 1920-е гг. в изучаемом регионе был домашний труд или работа в небольших мастерских: швейных, вышивальных, ткацких и т.п., Женотделы ставили перед собой задачу – усилить кооперирование женщин-кустарок, объединить их в артели, создать общественные мастерские и тем самым улучшить условия их труда, поднять производительность труда, увеличить число занятых. Женотделы совместно с органами Наркомтруда помогали с приспособлением имеющихся помещений для производственных нужд, с закупкой оборудования, созданием артели. Нередко из-за неумения вести экономику такие артели быстро разваливались. Процесс кооперирования кустарей получил развитие в годы первых пятилеток.

По данным демографической переписи 1926 г., в ТАССР было 9354 женщины-кустарки, или 18,1% от общего числа кустарей, из них 48% составляли татарки [13. Л. 11]. В основном они были заняты в рогожно-ткацком промысле,

производстве одежды, пошиве белья, плетении кружев, прядении шерсти, вязании из нее и т.п. [13. Л. 11–12].

В Чувашии и МАО женщины-кустарки традиционно занимались вышивкой, кружевом, пошивом традиционной одежды. В докладе женотдела ОК ВКП(б) МАО в начале 1928 г. отмечалось, что в лесных районах марийки «участвуют в рубке, возке леса, гонке смолы, дегтя, скипидара, приготовлении угля» [11. Л. 61].

Можно привести следующие данные о работе промышленной кооперации среди женщин. На 1 октября 1927 г. женщин-членов артелей в ТАССР было 986, или 25,8% от общего числа, а на 1 октября 1936 г. стало 4738, или 48,7%, т.е. процесс был динамичным [14. Л. 23]. При этом данные были крайне нестабильными, зависели от различных обстоятельств. Например, женщин в артелях кустарей на 1 января 1936 г. было 55,6%, но прекращение сетевязания, где были заняты исключительно женщины-татарки, привело к снижению удельного веса женщин в целом и татарок в частности [14. Л. 24]. В Чувашии также наблюдался рост, если в 1929 г. в промышленности и кустарной кооперации было 242 женщины, то в 1933 г. стало 1324 женщины, или 26,8% [16. Л. 58].

Однако главной своей задачей женотделы считали работу среди пролетарских масс. В 1926 г. в крупной промышленности ТАССР работала 2451 женщина, в МАО в 1928 г. (в текстильной, кожевенной, полиграфической промышленности и т.д.) – 311 и в ЧАССР – 160 женщин, что составляло, соответственно, – 16,9%; 27,1% и 21,1% всех рабочих [8. Л. 11–11об., 13–13об.].

За годы первых пятилеток произошли существенные изменения в распределении женского труда по отраслям промышленности и в квалификации работниц. Этому способствовали техническая реконструкция предприятий, механизация производства, облегчившие многие производственные процессы и операции.

В Постановлении ЦК ВКП(б) «Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок» от 15 июня 1929 г. ставилась задача по увеличению применения женского труда в тяжелой индустрии, машиностроении, деревообделочной, кожевенной промышленности [26. С. 515]. Также речь шла о максимальном заполнении женским трудом швейной, бумажной, пищевкусовой, текстильной, химической промышленности и т.д. Женотдел ЦК ВКП(б), подготовивший это постановление, понимал сложность его реализации, в том числе из-за тяжелых условий труда и мужского шовинизма в механических цехах, но тогда это был едва ли не единственный быстрый способ повышения зарплаты работниц. Зарплата на предприятиях легкой и пищевой промышленности была низкой, к тому же многие работницы имели низкую квалификацию. Впоследствии ЦК ВКП(б), СНК СССР, Наркомтруд приняли ряд решений по расширению женского труда в промышленности. В национальных автономиях в свете решений центральных органов принимались свои решения, ставились соответствующие задачи.

Этот подход в годы первой пятилетки в автономиях Среднего Поволжья ввиду небольшого числа предприятий тяжелой промышленности был мало актуален. Например, в металлообрабатывающей промышленности ТАССР в 1926 г. работало всего 5 женщин, или 0,9% от общего числа рабочих [15. Л. 26]. Однако по мере развития промышленности и реализации партийно-государственных установок ситуация менялась: в 1935 г. удельный вес женщин в этой отрасли промышленности уже составил 28,6% [14. Л. 26].

Существенно возросло число женщин в быстрорастущей деревообрабатывающей промышленности Чувашии. За годы второй пятилетки на Шумерлинском комбинате удельный вес работниц увеличился с 27,9% до 40,6% [15. Л. 6]. За 1926–1935 гг. удельный вес женщин в кожевенной промышленности Татарии возрос с 16,4% до 50,5% [14. Л. 27–28]. Возросло число женщин в текстильной, полиграфической, химической, меховой, стекольной и кирпичной промышленности.

Строительство, введение в эксплуатацию ряда промышленных предприятий в конце первой и особенно в годы второй пятилетки создали новые рабочие места. Стройки, заводы нуждались в рабочих руках, однако дискриминация женщин в найме на работу сохранялась. В 1930 г. страна столкнулась с острым кадровым кризисом. В срочном порядке принимается постановление ЦК ВКП(б) от 20 октября 1930 г. «О мероприятиях по плановому обеспечению народного хозяйства рабочей силой и борьбе с текучестью» [27] Среди основных доступных ресурсов были названы городские и сельские женщины. Реализуя лозунг ВКП(б) «От домашнего хозяйства к станку!», после работы многочисленных рабочих групп по сбору данных на предприятиях Госплан и Народный комиссариат труда в 1930 г. разработали особый пятилетний план по привлечению в промышленность 1 млн 600 тыс. женщин. Обкомы партии в соответствии с планами Госплана и Наркомтруда устанавливали предприятиям автономий контрольные цифры по женскому труду. Вышел ряд постановлений партийных органов автономий по регулированию женского труда, была определена отчетность о методах донесения задач до масс и результатах. В Чувашии был выдвинут лозунг «Промышленности республики – 2600 работниц!». Планка была явно завышена и в первую пятилетку не достигнута.

Н.П. Никитин отметил: «Если в 1930 г. среди рабочих было только 334 женщины, то в 1932 г. в промышленности республики уже было занято 1673 женщины, или 24,8% рабочих. По сравнению с 1928 г. женская прослойка среди рабочих возросла более чем в 10 раз. В 1932 г. на Шумерлинском деревообрабатывающем комбинате работало 305 женщин, на Козловском домостроительном – 310, на фабрике «Единство» – 117, Алатырском паровозоремонтном заводе – 90 женщин и т.д.» [24. С. 249].

Для привлечения женщин в промышленность и строительство необходимо было решить ряд социальных вопросов: организация детских дошкольных учреждений, продовольственное снабжение, общественное питание, жилье и т.д. Чтобы обойти проблему нехватки жилья, было рекомендовано вовлекать в производство жен и подросших детей рабочих. В отличие от мелкобуржуазного, неграмотного деревенского ресурса жены и дочери рабочих были уже социализированным слоем общества, имеющим представление о фабрично-заводском распорядке. Жены и взрослые дочери рабочих не возражали против трудоустройства, поскольку это позволяло сводить концы с концами в условиях роста цен. Но мужчины не всегда поддерживали трудоустройство жен, так как это создавало проблемы в организации быта, например, при отоваривании по заборной книжке некому было стоять в очередях за продуктами. Не было большого желания принимать женщин и у руководства предприятий.

Первая конференция работниц и жен рабочих Звениговского кантона МАО в феврале 1931 г., одобряя решение ЦК и ЦКК ВКП(б) о вовлечении 700 тыс. новых работниц в производство и продвижение к станку, призвала руководство завода «Красный волгарь», Красногорского и Лопатинского заводов выполнить

это решение. При этом были сформулированы необходимые условия: набор новых работниц из домохозяек возможен при создании детских учреждений, а для привлечения женщин коренных национальностей необходимо больше принимать в школы ФЗУ мариек [11. Л. 10]. Такие собрания, конференции женщин комитетами партии, КУТБЖ по разъяснению решений ВКП(б), мобилизации общества проводились в обязательном порядке и были частью агитационно-массовой работы, а также способом давления на руководство предприятий и рабочих-мужчин.

В конце первой и в годы второй пятилеток в автономиях Среднего Поволжья развернулось строительство промышленных предприятий. Возможность заработка мотивировала, а кампании по оргнабору способствовали тому, что сельская молодежь получила организационные возможности и пошла на стройки. После завершения строительства многие из них шли работать на предприятия. Но путь это был непростым. На стройках промышленных предприятий была собрана разношерстная молодежь. Возникали языковые трудности, поскольку на стройку пришли женщины разных национальностей, которые кроме родного языка другими не владели. Сельские девушки с трудом привыкали к производственной дисциплине, к работе строительной техники, она пугала, что осложняло их адаптацию. И, конечно, у них не было никаких профессий, они могли работать только чернорабочими.

В качестве примера можно привести интересный документ – протокол съезда женской молодежи МАО. На заседании съезда комсорг Соколова с Марбумстроя докладывала, что «на строительстве комбината работает 230 девушек, из них мариек 69 человек, русских – 129, мордвы – 12 человек, чувашек – 9 человек, татарок 2 и прочих 9 человек. Работать с ними тяжело, так как многие друг друга не понимают, все говорят на своем языке». Многие девушки работали впервые на новостройках. Комсорг привела пример: «Толстова впервые увидела автомобиль, к которому она сначала боялась подходить, ... а ей нужно было возить на этой машине груз. К большим сложным механизмам девушки боялись подходить» [12. Л. 124].

Стройки стали своеобразным плавильным котлом, здесь формировался рабочий класс. Девушек обучали грамоте, затем направляли на профессиональные курсы, в школы ФЗУ, техникумы. Вчерашние селянки из чернорабочих постепенно становились квалифицированными работницами, работали мотористками, трактористками, шоферами, каменщиками, что сказывалось на их заработках и самооценке. Процесс был непростым, далеко не каждая девушка понимала необходимость обучения. Поэтому комсомольская и партийная организации вели настойчивую работу по ликвидации неграмотности и повышению квалификации работниц.

Создание национальных рабочих кадров было важнейшей стратегической политико-экономической задачей автономий, соответственно, при решении женского вопроса особое внимание уделялось вовлечению в производство женщин коренных национальностей. Этот процесс назывался тогда «коренизация кадров». За 1926–1935 гг. численность женщин в промышленности Татарской республики возросло в 6,8 раза, а число женщин-татарок – в 13,2 раза. В 1936 г. татарки составляли 40% всех работниц [3. С. 31]. В Чувашии за 1929–1934 гг. количество женщин в промышленности выросло в 9 раз, а чувашек – в 6 раз, чувашки составляли 28% всех работниц [17. Л. 93]. Квотирование рабочих мест на курсах повышения квалификации и т.п. для работниц титульной

национальности помогало формировать национальные кадры, но нередко создавало конфликтную ситуацию на предприятиях, когда более профессионально подготовленные русские работницы не могли получить соответствующее место с более высокой оплатой и выражали недовольство. Классифицировались такие поступки как великодержавный шовинизм и публично осуждались. Широкую известность благодаря публикации в газете «Красная Татария» получил такой случай на химзаводе имени Вахитова в Казани [21].

Важной составной частью расширения женского труда в промышленности были вопросы охраны труда, промышленной санитарии и улучшения социально-бытовых условий. Особое место уделялось созданию детских дошкольных учреждений. За годы первых пятилеток фактически была создана сеть учреждений по дошкольному воспитанию детей. Поскольку декретный отпуск был коротким, работницы остро нуждались в яслях, вопрос решался с участием предприятий, городских и республиканских властей. Решая вопрос жилья для рабочих, предприятия строили как бараки, так и современные капитальные дома. Появились вокруг заводов соцгорода. Однако детских учреждений и жилья не хватало. Жизнь работающей матери была непростой. Некоторые предприятия брали на себя и решение бытовых проблем работниц, особенно под напором делегатских собраний. Например, на химкомбинате имени Вахитова в Казани были специально оборудованы прачечная и душевые, так как у большинства женщин дома не было бытовых условий (горячей воды, водопровода, канализации и т.п.).

Женщины чаще всего использовались как низкоквалифицированная рабочая сила, особенно в годы первой пятилетки. Тяжелые условия труда и быта порождали и большую текучку кадров. Плохая организация работы на промышленных предприятиях зачастую приводила к штурмовщине, сверхурочным работам, что не устраивало работниц-матерей. Тяжелые бытовые условия, дети, малограмотность, а то и безграмотность, не мотивировали женщин на производственное обучение, повышение квалификации. Получался замкнутый круг – низкая квалификация и безграмотность обрекали работниц на тяжелый низкооплачиваемый труд, в то же время они не видели или не хотели видеть стимулов для обучения. Нередко мужья были категорически против обучения, не желая допустить более высокой зарплаты у жены, рассматривая это как унижение. Достаточно часто мужчины-рабочие, рассматривая женщин как конкуренток на рабочие места, были против расширения женского труда, против повышения их квалификации, унижали, травили, проявляли сексизм в поведении. Особенно трудно было женщинам в цехах с преимущественно рабочими-мужчинами. С этим усиленно боролись женотделы, затем женсекторы партийных организаций, комсомол: вели разъяснительную работу среди рабочих, руководства цехов, фабзавкомов, проводили товарищеские суды и прочие мероприятия. Большую роль в повышение квалификации сыграло развитие социального соревнования, а также квотирование мест для женщин в учебных заведениях, равномерная организационная работа. В 1925 г. в СССР в школах ФЗУ для девушек была введена квота в 50%, а в 1929 г. Постановлением ЦК ВКП(б) для женщин была определена квота в 25% на рабфаках технических вузов, квота в 35% на рабфаках текстильных институтов и техникумов.

Анализ показал, что во всем рассматриваемым автономиям свойственны общие тенденции в 1920-е гг.: слабое индустриальное развитие, низкая доля

женщин среди рабочего класса, особенно представительниц титульных наций, высокая женская безработица, текучка, низкая квалификация и самооценка работниц, мужской шовинизм и сексизм на предприятиях. Однако по сравнению с МАО и ЧАССР, где в крупном производстве зафиксировано всего от полутора до трех сотен женщин, в ТАССР уже сложилась практика фабрично-заводского женского труда. По мере роста промышленного потенциала в 1930-е гг., а также уровня грамотности и квалификации работниц, притока молодежи, усиленной организационно-политической и культурно-просветительской работы на предприятиях в обществе росли и численность женщин в промышленности, и их квалификация, изменялась структура женского труда, менялось отношение в обществе.

В 1920-е – 1930-е гг. возникли институциональные рамки вовлечения женщин в общественное производство. Сформировалась общесоюзная и региональная нормативно-правовая база, регулирующая вопросы женского труда в соответствии с Конституциями СССР и автономий. Сложился партийно-государственный механизм решения вопроса, состоящий из системы партийных решений с их установками и правилами, а также специальной структуры в виде женотделов, инструкторов отделов партийных комитетов, КУТБЖ; механизма идеологического и агитационно-пропагандистского воздействия в виде газет, журналов, радио, кино; развития системы производственного обучения и технического образования; института квотирования рабочих мест и мест в учебных курсах, учебных заведениях; создания и использования инструментов активизации потенциала в виде делегатских собраний, социалистического соревнования, женских советов, комсомольских и ударных бригад и т.п.; создания некоторой социальной инфраструктуры, облегчающей положение женщины-работницы; целенаправленной политики коренизации женских рабочих кадров. Таким образом, индустриализация развивалась во многом благодаря женскому кадровому ресурсу, и она же изменяла женщину. В национальных автономиях особенно был заметен переход женщин из патриархальной, традиционалистской аграрной культуры с её национальной замкнутостью в индустриальную с новыми институтами, которые одновременно возвышали женщину-работницу и эксплуатировали её.

За годы первых пятилеток в автономных республиках Среднего Поволжья произошли кардинальные изменения в решении женского вопроса. Удельный вес женщин в 1937 г. в промышленности ТАССР составил 49,9%, в МАССР – 43%, в ЧАССР – 31% [4. С. 211–272]. В целом по СССР к середине 1930-х гг. женщины составили 35,8% промышленных рабочих. Таким образом, темпы роста женских рабочих кадров в национальных автономиях Среднего Поволжья были выше (ТАССР и МАССР) или приближались (ЧАССР) к общесоюзным показателям. Безусловно, следует учитывать низкие стартовые показатели процесса, не столь выразительные результаты в физических величинах, но динамика изменений свидетельствовала о большой результативной работе. Ускорился и процесс коренизации женских рабочих кадров и роста квалификации.

Особенности и некоторые различия в республиках связаны с общим уровнем промышленного развития, процессов урбанизации. В Татарской АССР на базе расширения промышленности шел процесс стабильного роста женских кадров, их доля (как и общая численность) была существенно выше, чем в МАССР и ЧАССР. Однако следует отметить, что результаты в МАССР и ЧАССР были весьма значимы для данных автономий. В отраслевом разрезе

региональные показатели были близки к общесоюзным: в наибольшей степени женщины были представлены в швейной, трикотажной, кондитерской, обувной, химической отраслях, произошло увеличение их количества в машиностроении и обработке металлов, деревообрабатывающей промышленности, строительстве, промкооперации. Особенностью всех автономий стало формирование национальных промышленных кадров как из титульной нации, так и из других этносов, проживающих на территориях республик. Были созданы социальные лифты для формирования женских кадров высококвалифицированных рабочих, научно-технической интеллигенции и руководящих кадров, включая и национальные. В то же время неразвитая система социального обслуживания, дефицит продуктов и промышленных товаров, плохие жилищные условия, низкий уровень материальной обеспеченности создавали для женщин-работниц дополнительные нагрузки, проблемы в воспитании детей и существенно осложняли их быт.

Литература

1. *Араловец Н.Д.* Женский труд в промышленности СССР. М.: Профиздат, 1954. 176 с.
2. *Бильшай Н.Л.* Решение женского вопроса в СССР. М.: Госполитиздат, 1956. 247 с.
3. Большевик Татарстана. 1937. № 7. С. 31.
4. *Белялов У.Б.* Руководство Коммунистической партии социалистической индустриализацией в национальных республиках Среднего Поволжья. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. 389 с.
5. *Воронина О.* Женщина и социализм: опыт феминистского анализа // Феминизм: Восток, Запад, Россия. М.: Наука, 1993. С. 205–225.
6. *Голдман В. З.* Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937 гг.) [пер. с англ.]. М.: РОССПЭН, 2010. 358 с.
7. *Градскова Ю.В.* «Обычная» советская женщина – обзор описаний идентичности. М.: Sputnik+, 1999. 158 с.
8. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р- 5451. Оп. 12. Д. 173.
9. Государственный архив Республики Марий Эл (далее – ГА РМЭ). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 329.
10. ГА РМЭ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 464.
11. ГА РМЭ. Ф. П-11. Оп. 1. Д. 85.
12. ГАРМЭ. Ф. П- 9. Оп. 1. Д. 189.
13. Государственный архив Республики Татарстан (далее – ГА РТ). Ф. П. 16. Оп. 2. Д. 637.
14. ГА РТ. Ф. П. 16. Ф. 20. Оп. 3. Д. 1148.
15. ГА РТ. Ф. П. 4034. Оп. 16. Д. 130.
16. Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее – ГИА ЧР). Ф. П-1. Оп. 13. Д. 304.
17. ГИАЧР. Ф. П-6. Оп. 2. Д. 168.
18. ГИАЧР. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 122.
19. *Здравомыслова Е.А., Темкина А.А.* Советский этакратический гендерный порядок // Российский гендерный порядок: социологический подход. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. С. 96–137.
20. *Идиатуллина К.С.* Вовлечение женщин в промышленное производство автономных республик Среднего Поволжья в период первой пятилетки // Актуальные вопросы общественных наук: сб. ст. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980. Ч. 1. С. 36–40.
21. Красная Татария. 1929. 25 окт.
22. *Любина К.* Данные о культурном росте и участии женщин в главнейших отраслях народного хозяйства ТР // Социалистическое хозяйство Татарстана. 1933. № 9-10. С. 94–98.
23. *Морозов А.В.* Гендерные аспекты занятости и безработицы в Татарстане в первой трети XX века // Вестник Казанского технологического университета. 2010. № 3. С. 70–90.

24. *Никитин Н.П.* Деятельность Чувашской областной партийной организации по вовлечению женщин в промышленность в 1928–1937 гг. // История и культура Чувашской АССР. Вып. 4. Чебоксары, 1975. С. 245–255.

25. *Никулин В.* Качественные показатели внедрения женского труда в промышленность // Социалистическое хозяйство Татарстана. 1934. № 3-4. С. 67–71.

26. Постановление ЦК ВКП(б) «Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок» от 15 июня 1929 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 4. М.: Политиздат, 1983. 525 с.

27. О мероприятиях по плановому обеспечению народного хозяйства рабочей силой и борьбой с текучестью: утв. Политбюро ЦК 20.10.1930 г.: [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/49209> (дата обращения: 02.09.2022).

28. *Серебренников Г.Н.* Женский труд в СССР. М.; Л.: Соцгиз, 1934. 240 с.

29. *Сидоркина Е.* Марийская женщина // М.А.О. 1936. № 5-6. С. 36–41.

30. *Чирков П.М.* Решение женского вопроса в СССР (1917–1937). М.: Мысль, 1976. 255 с.

31. *Харитонова С.Б.* Создание специального аппарата для работы среди женского населения в 1920–1930-е годы (региональный опыт) // Вестник Чувашского университета. 2007. № 3. С. 70–79.

32. *Харитонова С.Б.* К вопросу о женской занятости и безработице в Чувашии в 1920-е годы // Вестник Чувашского университета. 2012. № 4. С. 67–72.

33. *Харитонова С.Б., Харитонов М.Ю.* Опыт подготовки квалифицированных кадров для промышленности Чувашии в период индустриализации (гендерный аспект) // Вестник Чувашского университета. 2013. № 4. С. 81–84.

ИДИАТУЛЛИНА КЛАРА САЛИХОВНА – доктор политических наук, профессор кафедры государственного управления, истории и социологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Россия, Казань (idklara@yandex.ru).

Klara S. IDIATULLINA

WOMEN'S LABOR IN THE INDUSTRY OF THE NATIONAL AUTONOMIES OF THE MIDDLE VOLGA REGION IN THE 1920s – 1930s: MANAGERIAL ASPECT

Key words: *women's labor, industrialization, state-party politics, involvement of women in industrial production, the Middle Volga region, national republics, women's departments, women's issue.*

Involving women in social production during the years of industrialization became the core in solving the women's issue in the Soviet Union. Examining this problem on the materials of three autonomous republics – the Tatar, the Chuvash and the Mari – gave the opportunity to identify common features and features of using women's labor in the industry of the national region, to show the dynamics of the process and its problems. The main methodology of the study was the institutional and comparative-historical approaches. The process showing formation of institutions that ensured women's involvement in industrial production in the region is investigated. Women's participation in industrial production, on the one hand, testified to their achievement of an equal right status in society. On the other hand, women were considered by the state as a human resource when expanding production, as well as an insurance resource in the event of a war. The growth rates of women's labor in the region were high: by 1937, the proportion of women in the industry of the TASSR was 49.9%, in the MASSR – 43%, in the ChASSR – 31%. In the USSR as a whole, by the mid-1930s, women made 35.8% of industrial workers.

References

1. Aralovets N.D. *Zhenskii trud v promyshlennosti SSSR*. [Women's labor in the industry of the USSR]. Moscow, Profizdat Publ., 1951, 176 p.
2. Bilshai N.L. *Reshenie zhenskogo voprosa v SSSR*. [The solution of the women's issue in the USSR]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1956, 247 p.
3. *Bolshevik Tatarstana*, 1937, no. 7, p. 31.
4. Belyalov U.B. *Rukovodstvo Kommunisticheskoi partii sotsialisticheskoi industrializatsiei v natsional'nykh respublikakh Srednego Povolzh'ya* [Leadership of the Communist Party by Socialist Industrialization in the National Republics of the Middle Volga Region]. Kazan, Kazan University Publ., 1978, 389 p.
5. Voronina O. Zhenshchina i sotsializm: opyt feministskogo analiza [Women and Socialism: the experience of women's studies] In: *Feminizm: Vostok, Zanak, Rossia* [Women: East, West, in Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 205–225.
6. Goldman V.Z. *Zhenshchiny u prokhodnoy. Gendernyye otnosheniya v sovetskoy industrii (1917–1937)* [Women at the entrance. Gender relations in the Soviet industry (1917–1937)] Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, 357 p.
7. Gradsikova Yu.V. «Obychnaya» sovetskaya zhenshchina – obzor opisaniy identichnosti [An "ordinary" Soviet woman – a review of identity descriptions]. Moscow, Sputnik+ Publ., 1998, 158 p.
8. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond R-5451. Opis' 12. Delo 173* [State Archive of the Russian Federation. Archives R 5451. Anagraph 12. Document 173].
9. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. Fond R-1. Opis' 1. Dokument 329* [State Archive of the Republic of Mari El. Archives R1. Anagraph 1. Document 329].
10. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. Fond R-1. Opis' 1. Dokument 464* [State Archive of the Republic of Mari El. Archives R1. Anagraph 1. Document 464].
11. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. Fond R-11. Opis' 1. Dokument 85* [State Archive of the Republic of Mari El. Archives R11. Anagraph 1. Document 85].
12. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. Fond R-9. Opis' 1. Dokument 189* [State Archive of the Republic of Mari El. Archives R9. Anagraph 1. Document 189].
13. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Tatarstan. Fond R 16. Opis' 2. Dokument 637* [State Archive of the Republic of Tatarstan. Archives R16. Anagraph 1. Document 637].
14. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Tatarstan. Fond R- 20. Opis' 3. Dokument 1148* [State Archive of the Republic of Tatarstan. Archives R20. Anagraph 3. Document 1148].
15. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Tatarstan. Fond R- 4034. Opis' 16. Dokument 130* [State Archive of the Republic of Tatarstan. Archives R4034. Anagraph 16. Document 130].
16. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-1. Opis' 13. Dokument 304* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives R1. Anagraph 13. Document 304].
17. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-6. Opis' 2. Dokument 168* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives R6. Anagraph 2. Document 168].
18. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-1. Opis' 18. Dokument Rossiiskii gendernyi 122* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives R1. Anagraph 18. Document 122].
19. Zdravomyslova E.A. Temkina A.A. *Sovetskii etakraticeskii gendernyi poryadok* [The Soviet gender order]. In: *Rossiiskii gendernyi poryadok: sotsiologicheskii podkhod* [The Russian gender order: a sociological approach]. St. Petersburg, 2007, pp. 96–137.
20. Idiatullina K.S. *Vovlechenie zhenshchin v promyshlennoe proizvodstvo avtonomnykh respublik Srednego Povolzh'ya v period pervoi pyatiletki* [Involvement of women in industrial production of the autonomous republics of the Middle Volga region during the first five-year plan] In: *Aktualnye voprosy obshchestvennykh nauk: sb. st.* [Topical issues of social sciences]. Kazan, Kazan University Publ., 1980, Part 1, pp. 36–40.
21. *Krasnaya Tatariya*, 1929, Oct. 25.

22. Lyubina K. *Dannye o kul'turnom roste i uchastii zhenshchin v glavneishikh otraslyakh narodnogo khozyaistva TR* [Information on the cultural growth and participation of women in the main sectors of the national economy]. *Sotsialisticheskoe khozyaistvo Tatarstana*, 1933, no. 9-10, pp. 94–98.

23. Morozov A.V. *Gendernye aspekty zanyatosti i bezrabotitsy v Tatarstane v pervoi treti XX veka* [Gender aspects of employment and unemployment in Tatarstan in the first third of the twentieth century]. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*, 2010, no. 3, pp. 70–90.

24. Nikitin N.P. *Deyatel'nost' Chuvashskoi oblastnoi partiinoi organizatsii po vovlecheniyu zhenshchin v promyshlennost' v 1928–1937 gg.* [Activities of the Chuvash Regional Party Organization for the involvement of women in industry in 1928–1937]. In: *Istoriya i kultura Chuvashskoi ASSR. Vypusk 4* [History and culture of the Chuvash ASSR. Iss. 4]. Cheboksary, 1975, pp. 245–255.

25. Nikulin V. *Kachestvennye pokazateli vnedreniya zhenskogo truda v promyshlennost'* [Qualitative indicators of the introduction of women's labor into industry]. *Sotsialisticheskoe khozyaistvo Tatarstana*, 1934, no. 3-4, pp. 67–71.

26. *Postanovlenie TSK VKP(b) "Ob ocherednykh zadachakh partii po rabote sredi rabotnits I krest'yanok* [Resolution of the Central Committee of the CPSU (b) "On the next tasks of the party to work among workers and peasants" of June 15, 1929] In: *KPSS v rezolyutsiyakh...* [CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1986)]. Moscow, Politizdat Publ., 1983, vol. 4, 526 p.

27. *O meropriyatiykh po planovomu obespecheniyu narodnogo khozyaistva rabochei siloi I bor'boi s tekuchest'yu* [On measures for the planned provision of the national economy with labor and the fight against turnover (Approved by the Politburo of the Central Committee on October 20, 1930)]. Available at: <https://listmat.org/node/49209> (Accessed Date: 2022, Sept. 2).

28. Serebrennikov G.N. *Zhenskii trud v SSSR* [Women's labor in the USSR]. Moscow, Leningrad, Socegis Publ., 1934, 240 p.

29. Sidorkina E. *Mariiskaya zhenshchina* [Mari woman]. *M.A.O.*, 1936, no. 5-6, pp. 36–41.

30. Chirkov P.M. *Reshenie zhenskogo voprosa v SSSR (1917–1937 gg.)* [The solution of the women's issue in the USSR (1917–1937)]. Moscow, Mysl Publ., 1976, 255 p.

31. Kharitonova S.B. *Sozдание spetsial'nogo apparata dlya raboty sredi zhenskogo naseleniya v 1920–1930-e gody (regional'nyi opyt)* [Creation of a special apparatus for working among the female population in the 1920s and 1930s (regional experience)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2007, no. 3, pp. 70–79.

32. Kharitonova S.B. *K voprosu o zhenskoi zanyatosti i bezrabotitse v Chuvashii v 1920-e gody* [On the question of women's employment and unemployment in Chuvashia in 1920]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2012, no. 4, pp. 67–72.

33. Kharitonova S.B., Kharitonov M.Yu. *Opyt podgotovki kvalifitsirovannykh kadrov dlya promyshlennosti Chuvashii v period industrializatsii (gendernyi aspekt)* [Experience in training qualified personnel for the Chuvashia's industry in the period of industrialization (gender aspect)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2013, no. 4, pp. 81–84.

KLARA S. IDIATULLINA – Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Public Administration, History and Sociology, Kazan National Research Technological University, Russia, Kazan (idklara@yandex.ru).

Формат цитирования: *Идиатуллина К.С. Женский труд в промышленности национальных автономий Среднего Поволжья в 1920-е – 1930-е годы: управленческий аспект // Исторический поиск / Historical Search. – 2022. – Т. 3, № 3. – С. 25–37. DOI: 10.47026/2712-9454-2022-3-3-25-37.*